

УДК 882(929)

**«ПИСЬМА О ТЮТЧЕВЕ» Б.М. КОЗЫРЕВА:
К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА
НАТУРФИЛОСОФИИ ПОЭТА**

А.М. Саянова

Аннотация

В статье предлагается герменевтическое толкование «Писем о Тютчеве» Б.М. Козырева, дающее представление о творчестве Ф.И. Тютчева как о целостной духовной жизни, которая отличается интересом к архаическим формам художественного мышления. Это позволяет говорить о лирике Тютчева как о «едином тексте» (Ю.М. Лотман) в процессе его движения, развития, поскольку для всего мифопоэтического наследия поэта характерен неосинкретизм, объясняемый интуитивным резонансным созвучием внутренней формы лирики с древнейшими представлениями о мире. Герменевтическое осмысление трудов Б.М. Козырева раскрывает не только мифопоэтическую систему Тютчева, восходящую к пониманию мира милетскими философами, но и межтекстовые отношения творчества русского поэта с «Фаустом» Гёте.

Ключевые слова: архаическая форма художественного мышления, натурфилософия, неосинкретизм, субъект-объектная неразделённость.

Одной из актуальных проблем исследования творчества Ф.И. Тютчева является символическое его прочтение как целостной духовной жизни, которой присуще внимание к архаическим формам художественного мышления, когда совершаются, как пишет С.Н. Бройтман, «преодоление рационалистического видения мира (с характерным для него акцентированием причинно-следственных связей между явлениями) и выход на особого рода неосинкретизм» [1, с. 276–277]. Подобное осмысление творчества Тютчева предполагает уяснение мифопоэтических (архетипических) корней текста, то есть восхождение к «изначальным ядрам» сознания, к «исконным первообразам» (Вяч. Иванов), раскрывающим генезис натурфилософии поэта, подводящим нас к пониманию этого «особого рода неосинкретизма», которому свойственно целостное восприятие мира в субъект-объектной неразделённости.

Понятия «символ», «миф», как исходные, определяют культурные типы, в том числе литературные. Так, А.Ф. Лосев в своём исследовании античности как «единого культурного типа» эти два понятия – «символ» и «миф» – даёт во всех видах связей и отношений [2]. У теоретика символизма Вяч. Иванова в целом ряде работ эти два понятия даются как ключевые в искусстве. Современный исследователь-литературовед Лена Силард, представляя Вяч. Иванова как герменевта, пишет: «Обращение к мифу, точнее, к пра-мифу, согласно Вяч. Иванову, обусловлено необходимостью для реальной филологии “быть именно наукой

о происхождении и последовательном изменении, ищущей осмыслить каждое из явлений, его образующих, ответив на вопрос: как оно стало” (цитата из работы “Дионис и прадионисийство”») [3, с. 471].

По Вяч. Иванову, изучение мифопоэтических корней становится необходимым условием осмысления текста, поскольку «реалистический символизм», принципы которого он и отстаивает, в отличие от «идеалистического символизма», чреват мифом: «Только из символа, понятого как реальность, может вырасти, как колос из зерна, миф. Ибо миф – объективная правда о сущем. Миф есть чистейшая форма озаменованной поэзии. Недаром, по Платону, в гармонии антииндивидуалистического мира, ему желанного, задача поэта, “если он хочет быть поэтом, творить мифы”» [4, с. 157]. Как считает Вяч. Иванов, корни *идеалистического* и *реалистического* типов символизма различны: *идеалистический* символизм идёт «от античного эстетического канона чрез посредство Парнаса», *реалистический* символизм – «от мистического реализма Средних веков чрез посредство романтизма и при участии символизма Гёте». *Идеалистический* символизм определяется им как «психологический и субъективный», *реалистический* символизм – как «объективный и мистический» [4, с. 157].

У Вяч. Иванова «реалистический символизм – откровение того, что художник видит, как реальность, в кристалле низшей реальности» [4, с. 159]. Такое «тайновидение» символист находит у Тютчева, которого считает «величайшим в нашей литературе представителем реалистического символизма» [4, с. 159].

Б.М. Козырев¹ в «Письмах о Тютчеве» (которые станут главным объектом наших интересов в рамках данной статьи), анализируя лирику поэта, пишет: «Метод Тютчева – творчество мифов – оставался неизменным в течение всей его деятельности как поэта». Правда, по мнению исследователя, «содержание и, главное, религиозная окраска этих мифов испытали резкое изменение» (ПТ, с. 86).

Размышляя о поэтической натурфилософии Тютчева, Б.М. Козырев предлагает в качестве типологически близкой модели «полумифологические» натурфилософии Фалеса и Анаксимандра. Он пишет: «Всё здание ранней натурфилософской лирики Тютчева вырастает в положительной своей части из одного источника – им являются величественные, хотя и довольно ещё смутные, полумифологические созерцания древнейших милетцев Фалеса и Анаксимандра» (ПТ, с. 98).

В Предисловии к «Письмам» А.Е. Тархов так комментирует основное положение учёного: «Не сводя дело ни к какому “литературному влиянию” или “философскому заимствованию”, Б.М. Козырев предлагает объяснить эту странную родственность мировоззрения поэта девятнадцатого века к милетской натурфилософской архаике “внутренним подобием первичных натурфилософских и поэтических интуиций” Тютчева, а именно: “особым предрасположением Тютчева к эстетическому восприятию воды в природе и его непосредственной

---

¹ Б.М. Козырев (1905–1979) – учёный-физик Казанской школы, член-корреспондент Академии наук СССР, который на протяжении всей своей жизни был увлечён творчеством Ф.И. Тютчева. В начале 60-х годов он передаёт внуку поэта тютчеведу К.В. Пигарёву пять писем-статей о Тютчеве, которые по сей день представляют научный интерес.

личной уверенностью в примате общего, космического над индивидуальным”, ведь “самый настойчивый мотив всей натурфилософской тютчевской лирики – противоположение вечной и неувядаемой стихийной жизни природы скоротечному, бесследно исчезающему индивидуальному бытию”» (ПТ, с. 72).

Забегая несколько вперёд, предваряя толкование «писем» Б.М. Козырева, следует высказать одно из основных положений нашей статьи: признавая безусловную правоту автора «писем» в определении этой «родственности» эстетическими интуициями поэта, при толковании образной системы Тютчева через аналогии с мифопоэтикой Античности, на наш взгляд, не следует пренебрегать понятиями «литературное влияние», «философское заимствование». Отдельные факты европейской литературы XIX века, в первую очередь относящиеся к творчеству Гёте (который оказал большое влияние на формирование Тютчева-поэта), подтверждают, что античная натурфилософия была объектом пристального внимания немецкого поэта.

Так, при прохождении через населённую духами античную Вальпургиеву ночь («Фауст», д. 2, ч. 2), то есть через три фазы развития тёмных стихийных сил греческой мифологии, породивших в итоге тот гармоничный мир, вершиной которой является совершенный образ Елены, Фауст знакомится с величайшими представителями человеческой мысли – философами Фалесом и Анаксагором, находящимися на третьей, высшей ступени и пытающимися решить загадку происхождения мира. Толчком к рассуждениям о первоначалах бытия становится природный катаклизм-хаос, случившийся в описываемую Вальпургиеву ночь, что является главным событием второго действия. Вот как передаётся смысл этого события в изложении самого Гёте, который, работая над предельно сложной в смысловом и сюжетном отношении второй частью, сопровождал работу написанием разного рода «сценариев», «предупреждений», «планов», которые в немецких изданиях «Фауста» традиционно публикуются под общим названием *Paralipomena*:

«В это время внимание оказывается привлечено к центральной части широкой равнины. Сначала там земля дрожит и вздувается, из неё образуется горный хребет, своей верхней частью упирающийся в Скотузу, а нижней в Пеней, так что создаётся опасность, что перекроется движение вод. <...> Из множества расщелин выбиваются лёгкие языки пламени; натурфилософы Фалес и Анаксагор, которые не могут не присутствовать при этом событии, вступают в яростный спор о природе этого явления; первый приписывает всё воде и влаге, второй же видит везде плавящиеся и расплавленные массы; их соло сливаются с остальным жужжанием хора; оба ссылаются на Гомера и приводят в качестве доказательства прошлое и настоящее. Фалес напрасно повествует с дидактически-взволнованным самодовольством о морском приливе и всемирном потопе; Анаксагор, дикий, как сама стихия, которая овладела им, ведёт страстный разговор: он предрекает каменный дождь, который тут же и начинает падать с луны. Толпа славит его как полубога, а его противник вынужден ретироваться к морскому берегу» [5, с. 392].

Известно, что в «мюнхенский» период (в конце 20-х – начале 30-х годов) своего творчества Тютчев написал цикл «Из “Фауста”», который состоит из пяти стихотворений. Обращение Тютчева к наследию Гёте говорит о внутренней

потенции Тютчева – его умения входить в «резонанс» с гётевским текстом. Подобный контакт способствовал формированию в творчестве Тютчева собственной мифопоэтической системы как основы его философской лирики. Цикл «Из “Фауста”» указывает на то, что античная натурфилософия Фалеса и Анаксагора, использованная Гёте при описании творения мироздания, нашла своё выражение и в пяти тютчевских «переводах» из Гёте, определила характер всей его поэтической системы (в первую очередь образов хаоса, беспредельного, бездны, дня, ночи, стихии воды).

Правда, Б.М. Козырев из милетской школы берёт не Анаксагора, а Анаксимандра, но это не имеет большого значения, поскольку оба античных философа признают мироздание как Единое, схожи и их представления о материальных стихиях. Характеризуя философские размышления Анаксимандра, Б.М. Козырев делает существенное, с нашей точки зрения, замечание о том, что милетский философ даёт понятие о бесконечном Хаосе, который «движется сам собою, ибо он жив, божествен, всем управляет», хотя, как продолжает учёный, «вопрос о причине всех изменений, о начале движения у Анаксимандра ещё не появился» (ПТ, с. 99).

Главное событие второго действия второй части «Фауста» Гёте – Вальпургиева ночь, то есть ночь творения мироздания. Основа этого творения – Хаос-Беспредельное. По Анаксимандру, из Беспредельного не только всё происходит, но и всему суждено в него вернуться. Оно создаёт миры и вновь их в себя поглощает.

Образ хаоса выписывается Гёте уже в первой части «Фауста» («Пролог на небесах») как проявление созидательной силы и силы истребления («Сверкает пламень истребления»), что составляет форму существования жизни, созданной «Творцом небес» – Солнцем. Эту часть «Фауста» переводит Тютчев. Любопытно заметить, что гётевскую строку «Сверкает пламень истребления» (перевод Н.А. Холодковского) Тютчев переводит как «Вспылал предтеча-истребитель». Можно предположить, что «предтеча-истребитель» – это и есть Беспредельное Анаксимандра.

Многие образы в лирике Тютчева, прежде всего образ хаоса, Б.М. Козырев возводит к Беспредельному Анаксимандру, что является оправданным и убедительным в толковании семантики символически ёмких образов в художественной системе поэта. Следовательно, образы хаоса у Тютчева и Гёте имеют общий исток – представление о мире милетского философа Анаксимандра. Хаос (Беспредельное) – сила одновременно созидательная и разрушительная.

В контексте сказанного заметим также, что образы хаоса, бездны были известны Тютчеву и по творчеству Г.Р. Державина. В картине мироздания, описанной Державиным в его оде «Бог», присутствуют эти образы, которые стали характерными и для творчества Тютчева, много перенявшего у Державина. Причём сама державинская ода имеет немало общего с гётевским «Фаустом» (см. [6]). Всё сказанное выше подтверждает верность высказывания Тынянова о том, что творчество Тютчева можно назвать «поэзией поэзии». Так, Б.М. Козырев как о «цитатном» говорит о стихотворении Тютчева «Два голоса» (1850): его источником является гётевский масонский гимн «Символ» (1816).

Приступая к непосредственному толкованию «Писем о Тютчеве», скажем, что, разделяя творчество Тютчева на два временных отрезка (до и после 1850 г.), Б.М. Козырев приводит две «формулы» из творчества поэта, которые концентрируют философско-эстетические мысли поэта этих двух периодов: «Всё во мне, и я во всём...» («Тени сизые смешались...») и «Ты со мной и вся во мне» («Пламя рдеет, пламя пышет...»). Оценивая их как ключевые ко всему творчеству поэта, он пишет: «Эти две строчки кажутся мне при их сопоставлении величайшими поэтическими символами тютчевского творчества (а в следующем, более глубоком плане как бы и “прафеноменами” всего его духовного существования)» (ПТ, с. 122).

Характеризуя разделение Козыревым творчества Тютчева на два периода с двумя ключевыми цитатами, А.Е. Тархов пишет: «В решении проблемы эволюции мировоззрения поэта этот исследователь выступил подлинным первооткрывателем. Сам переход поэта из одного периода в другой, от “раннего” к “позднему”, от “мюнхенского” к “петербургскому” был неким духовным катаклизмом, огромным мировоззренческим сдвигом. Б.М. Козырев первым в тютчеведении открыл эту проблему – и он же... дал определение существа происшедшей с Тютчевым перемены» (ПТ, с. 72).

Вместе с тем герменевтическое толкование как общих, так и многих частных положений статей Б.М. Козырева, прежде всего мыслей о возможных связях с милетской натурфилософией, позволяет говорить о лирике Тютчева как о «едином тексте» (Ю.М. Лотман) в процессе его движения, развития, поскольку не только для первого периода, но и для всего мифопоэтического текста Тютчева характерен неосинкретизм, объясняемый интуитивным резонансным созвучием внутренней формы лирики Тютчева с древнейшими представлениями о мире.

Представляя статьи Козырева как авангардные в осмыслении генезиса поэтической натурфилософии Тютчева, следует подчеркнуть весьма ценное, на наш взгляд, филологическое наблюдение учёного: как ключевые философско-эстетические кредо каждого периода приводятся именно те строки поэта, в которых как раз и сформулирована целостная внутренняя форма произведений. Она позволяет осмыслить всё творчество поэта как единый текст, когда оба периода творчества воспринимаются как сложно-динамическое, самоорганизующееся целое, которое раскрывает, по определению В. Фещенко, «организацию смысла в живом творческом процессе», поскольку внутренняя форма текста является «проводником» между «миром произведения и объемлющим само произведения миром автора, между творением и творцом» [7, с. 92, 93].

Таким образом, две цитаты из Тютчева, приведённые Козыревым как художественные доминанты двух периодов творчества поэта, как выражение двух взглядов на мироздание и человека в нём, привлекли нас как опорные в осмыслении мифопоэтического содержания творчества Тютчева в целом, как синонимическое выражение не столько мировоззренческих постулатов, сколько творческих интуиций в восприятии мироздания, проявленных как неосинкретизм, характеризующий всю художественную систему поэта.

Центральным содержанием первого «письма» является превосходно выполненный структурно-семантический анализ стихотворения «Гени сизые смешились...», который позволил автору прокомментировать взаимоотношения между микро- и макромирами в лирике Тютчева. Так, о «фокусной» строке стихотворения исследователь пишет: «Последняя строка: “Всё во мне, и я во всём...” – с мощным лаконизмом математической формулы передаёт сокровенное ощущение растворения “Я”, личности во Вселенной» (ПТ, с. 77). Б.М. Козырев подходит также к экзистенциальному содержанию образа «внутренней реальности сумеречного мира», говоря, что «восклицание “Час тоски невыразимой!...” относилось не только к одиночеству, но и к смутному ужасу ожидания этого разлития в мире, исчезновения отдельности, прекращения того самого чувства одиночества, которое гнетёт поэта и в то же время делает его самим собой» (ПТ, с. 76–77).

В рамках первой статьи нет ещё обращения к учениям древнейших милетцев Фалеса и Анаксимандра с целью поиска генезиса тютчевских образов, в ней говорится о своеобразии мироощущения, типа мышления Тютчева, нашедшем своё ярчайшее выражение в гениальных строках, цитируемых Б.М. Козыревым. Выделение исследователем названного стихотворения со строкой «Всё во мне, и я во всём» как весьма характерного для первого периода творчества поэта для нас является значимым, поскольку в нём мы и видим ту архаическую синергетическую форму художественного мышления, которая была хорошо известна средневековому Востоку².

Основным достоинством работы Б.М. Козырева, как совершенно справедливо отмечает А.Е. Тархов, является понимание того, что образ мира Тютчева, сколь бы сложно-разветвлённым он ни был, развивается из некоего единого «первоисточка» (ПТ, с. 71). Действительно, учёный ставит перед собой именно такую задачу – найти генезис образной системы Тютчева как «первоисток». В «Третьем письме» Б.М. Козырев, изучая проблему генезиса некоторых образов (воды, огня, хаоса) в лирике Тютчева, занимается поисками первичных натурфилософских источников, исследует «влияния, которые проявлялись в поэзии Тютчева подсознательно или полусознательно» (ПТ, с. 98). Размышляя о генезисе тютчевской натурфилософии, исследователь обращается к «полумифологическому» созерцанию милетцев Фалеса и Анаксимандра, по учению которых вода есть первоначало мира, она есть Беспредельное, из которого всё происходит и в которое всему суждено вернуться. Иначе говоря, вода – то Единое, из которого всё происходит и которое во всём (ещё раз процитируем сентенцию Дао – «Всё в одном и одно во всём»).

Любопытно заметить, что исследователь Античности А.Ф. Лосев уже в мышлении Фалеса обнаруживает синергетическое восприятие мироздания как постижение закона развития Природы. В мистическом мифологическом опыте Фалеса он находит «идею единства всего, идею неуничтожимости всего, идею антитезы индивидуальных вещей и безликих стихий, идею всеобщего одушевления и идею всеобщей божественности» [2, с. 111].

---

² Вспомним основные сентенции философии Дао «Всё в одном и одно во всём» [8] и Ибн Араби «Весь континуум бытия един, самодостаточен и в-самом-себе множествен» [9].

Б.М. Козырев, проведя большой статистический анализ, приходит к выводу, что у Тютчева образ воды – самый распространённый. Но дело не только в том, что образ воды, доминантный в лирике Тютчева, позволяет выйти на аналогии с натурфилософией древних милетцев. Более ценным (с позиции нашего толкования статьи Б.М. Козырева) является высказывание о том, что многие мифологемы Тютчева «связаны с глубокой тютчевской верой в одухотворённость природы, с анимистическим восприятием её, как живой и внутренне-сложной, подобно всему живому, сущности – прекрасной снаружи и таящей в своих глубинах пугающий даже богов Хаос» (ПТ, с. 89–90).

Приведённая цитата говорит о том, что исследователь характеризует тип творческого мышления Тютчева как синергетический (конечно, у Козырева нет этого термина), что позволило ему картину мира представить в архаичных формах, идущих с эпохи синкретизма. Он пишет: «Боги Тютчева окружены ореолом почитания и любви; они – не пустые аллегории классической традиции восемнадцатого века, типа “Зевс – власть”, “Амур – любовь”, “Муза – поэзия” и т. д. Нет, они – действующие, живые сущности и действуют они, как правило, либо в новых, либо в по-новому осмысленных мифах. (Не говоря о “Ночном ветре” или “Сне на море”, я сомневаюсь, например, чтобы образ “громокипящего кубка” шёл действительно из античности, как и многие другие мифологемы Тютчева.)» (ПТ, с. 89).

Таким образом, внимание Б.М. Козырева при определении генезиса мифопоэтического мышления Тютчева в античной натурфилософии милетцев привлекают архаичные синкретичные формы представления о мире, предполагающие субъект-объектную неразделённость человека с Природой. Родина философского определения такого типа мышления – Восток (см., например, работу Т.П. Григорьевой «Синергетика и Восток» [10]). Такая форма понимания мира и названа С.Н. Бройтманом «неосинкретизмом», она присутствует у Тютчева, Фета, Пастернака и некоторых других авторов. Природа у них, как пишет С.Н. Бройтман, предстаёт «живой и говорящей не на метафорическом, а на каком-то ином языке, но её жизнь и язык не поддаются логике субъектно-объектных и причинно-следственных отношений» [1, с. 277].

В контексте сказанного любопытно заметить, что А.Е. Тархов, представляя научную концепцию Б.М. Козырева, приводит стихотворение Тютчева «Иным достался от природы...», где поэт сравнивает с даром Фета свой собственный поэтический дар и определяет его как способность «чувять, слышать воды». Тархов подчёркивает внимание Козырева к образу воды в лирике поэта (ПТ, с. 71). Нас же в этой выделенной Тарховым цитате из Тютчева привлекают глаголы «чувять, слышать», которые перекликаются с глаголами у Фета (см. стихотворения «Дул север. Плакала трава...», «Благовонная ночь, благодатная ночь...» со строками «Эти звезды кругом точно все собрались, / Не мигая, смотреть в этот сад. А уж месяц, что всплыл над зубцами аллея / И в лицо прямо смотрит, – он жгуч...» и многие другие).

Тютчев, как и Фет, не просто художник, который умеет мастерски выстраивать свою образно-художественную систему, чтобы получилось стихотворение как целое в своей непревзойдённой красоте, равной тому, что бывает только плодом в самой Природе. Он из тех немногих поэтов, которые посвящены в таинства

Природы, Мироздания, слиты с ней в субъектно-объектной неразделённости. Это качество весьма редкое, исключительное для человека XX, даже XIX века, который определяет мир детерминистским, когда природа поддаётся полному контролю со стороны человека, представляя собой инертный объект его желаний.

Теперь обратимся ко второй цитате из Тютчева, приведённой Б.М. Козыревым – «Ты со мной и вся во мне» (стихотворение «Пламя рдеет, пламя пышет...»), которая, по мнению учёного, определяет характер второго периода творчества поэта. На наш взгляд, в этой строке тоже выражается внутренняя форма творчества поэта, которая определяет поэтику художественного стиля Тютчева (причём внутренняя форма не только второго периода, но и всего творчества поэта в целом, поскольку эта сентенция Тютчева отчётливо перекликается с первой – «Всё во мне, и я во всём»).

Начнём доказательство этого равенства с обращения к отдельным положениям «Пятого письма» Б.М. Козырева. Так, о названной цитате из Тютчева он пишет: «Вторая формула молчит о Вселенной. Не говорит она и о боге: всё драгоценное теперь сосредоточено для поэта в одном человеческом “Ты”... Если когда-нибудь Тютчев в его поэзии действительно душевно приближался к гармонии христианского типа, то это было через приведённые здесь слова любви к человеку» (ПТ, с. 123). В данном высказывании привлекает внимание последний сегмент предложения – «слова любви к человеку», причём любовь, о которой говорит Тютчев, определяется Козыревым как христианская. Тому доказательство – строчки поэта «Слава богу, я с тобою, / А с тобой мне – как в раю». Однако формула «Ты со мной и вся во мне», с позиций нашего толкования, говорит не только о христианской любви к человеку. Она о Любви к женщине в самом высоком смысле этого слова. «Ты» поэта – это всё, вся Вселенная, Бог любящего. И тогда «Ты со мной» – это «Всё во мне», «Я с тобою» – это «Я во всём», поскольку Ты – это Всё. Известно, что такое понимание Любви впервые сформулировала восточная (арабская, персидская) философская лирика. Велика роль в этом суфийской поэзии, которая дала мощный толчок для зарождения и распространения понятия «любовь» не только на Востоке, но и на Западе.

Б.М. Козырев, представляя лирику Тютчева второй половины творчества, пишет, что начиная с 1850 года до самой смерти Е.А. Денисьевой нет ни в одном стихотворении мотива Анаксимандрова закона возмездия (правда, мотив возмездия появляется после смерти Денисьевой). В стихотворениях 50-х годов, по мнению Козырева, тоже встречается мифологический подход к природе, но «нет и тени прежнего милетского материализма 30-х годов», в них обнаруживается «идеалистическая антитеза милетской философии», часто с «мыслями Платона о природе» (ПТ, с. 120).

Вместе с тем определение исследователем «стихийных сил» (то есть явлений природы) в мифологемах нового периода как «живых», «одухотворённых» является весьма ценным: «Натуралистических божеств в стихах Тютчева больше нет – зато есть, пусть безымянные, но живые и не только живые, но и одухотворённые стихийные силы» (ПТ, с. 119). Эти «живые» и «одухотворённые стихийные силы» – тоже «знаки» поэтики стиля Тютчева, определяемые особым типом поэтического мироощущения, для которого характерна субъектно-объектная

неразделённость с Природой. Об этом своеобразии мироощущения поэта писал еще Вл. Соловьев. Добавим только, что благодаря именно такому ощущению Природы в Тютчеве, как и в Фете, формируется особый тип поэтического мышления, сказавшийся на всём его творчестве.

Герменевтическое восприятие «Писем о Тютчеве» Б.М. Козырева, прежде всего их основного положения о родственности мировоззрения поэта и натур-философии древнейших милетцев Фалеса и Анаксимандра, позволило нам раскрыть генезис подобного мировосприятия Тютчева, восходящего к мистическому мифологическому опыту Фалеса, в котором поэт находит идею единства и неуничтожимости всего, всеобщего одушевления и божественности, то есть идею, определяющуюся синергетическим типом мышления.

Путь «реалистического символизма» Тютчева (Вяч. Иванова) во многом определяется и мистическим реализмом Средних веков, содержащимся в произведениях Гёте, к творчеству которого Тютчев имеет непосредственное отношение. Поиск «таинств природы», начавшийся у Гёте с греко-европейской культурно-исторической сферы, которая восходит к античной философии, а через неё – к мистическому реализму Средних веков, приводит его к пониманию внутренней связи мира, единства Запада и Востока.

Лирике Гёте на протяжении всего его творческого пути присуща «зиздущая, творящая форма» (по определению Вяч. Иванова, «действенный прообраз творения в мысли творца»), возможная только при субъект-объектной неразделённости как интуитивно-творческом подчинении творца закону Целого – воле Вселенной. Эта мысль со всей очевидностью раскрывается в анализе Вяч. Ивановым стихотворения Гёте «Постоянное в изменчивом» («Dauer in Wechsel») [11, с. 233]. В стихотворении раскрывается мысль о том, что в основе жизни по законам самой Природы лежит некая сила, которая и есть причина вечного необратимого движения, постоянного видоизменения, смены явлений. Вяч. Иванов, говоря об этом произведении Гёте, рассуждает о своеобразии мироощущения поэта, определяющемся интуитивным восприятием мира как Целого, а также типом творческого сознания, благодаря которому выстраивается картина мира в его вечном движении-хаосе. По справедливому определению Вяч. Иванова, стихотворение «есть попытка удержать, охватить, согласить многообразное, противоречивое, непрестанно сменяющееся и ускользающее содержание жизни путём обретения в духе единой формы, его обнимающей, как чего-то постоянного, не отменяемого, но утверждаемого самою сменой взаимно отрицающих друг друга явлений» [11, с. 233]. Вот этот «дух единой формы», характерный для Гёте, по мнению критика, есть не искусство выполнения, а «предопределяющий своё воплощение творческий образ», та «зиздущая форма», во власти которой и находится Гёте-поэт. Так характеризует Вяч. Иванов мироощущение Гёте, которое роднит его с человеком архаичных времен. Подобное мироощущение свойственно средневековому человеку (идеи Дао, Ибн Араби – философия Целого, Единого).

Миропонимание Гёте обнаруживается в последнем сегменте названного стихотворения, в котором художественные образы создаются не только поэтическими средствами лирики, но и изречениями-сентенциями философского содержания. Противоречивость, изменчивость жизни в творческом сознании Гёте

выражена философско-эстетической конфигурацией «Слей в одно закат свершений / С первым блеском нежных зорь», что является художественным выражением философии Единого («Всё одно – одно во всём»).

Таким образом, герменевтическое истолкование писем-статей Б.М. Козырева не только даёт представление о пути «реалистического символизма» Тютчева (Вяч. Иванов), восходящего к натурфилософии древних милетцев Фалеса и Анаксимандра, но и раскрывает связь лирики русского поэта с мистическим реализмом Средних веков, осуществляющуюся через символизм Гёте.

Summary

A.M. Sayarova. "Letters about Tyutchev" by B.M. Kozyrev: Towards the Problem of the Genesis of the Poet's Natural Philosophy.

In this paper, we propose a hermeneutic interpretation of B.M. Kozyrev's "Letters about Tyutchev". This interpretation gives an idea about F.I. Tyutchev's works as a holistic spiritual life, which is notable for the interest in archaic forms of creative thinking. This allows us to speak about Tyutchev's lyric poetry as a "single text" (Yu.M. Lotman) in the process of its development since the whole mythopoetic heritage of the poet is characterized by neosyncretism, which is explained by an intuitive resonant consonance between the internal form of the poetry and the ancient ideas about life. We make a conclusion that the hermeneutic interpretation of B.M. Kozyrev's works reveals not only Tyutchev's mythopoetic system originated in the understanding of the world by the Milesian philosophers, but also the intertextual relations between the Russian poet's works and Goethe's "Faust".

Keywords: archaic form of creative thinking, natural philosophy, neosyncretism, subject-object undividedness.

Источники

ПТ – *Козырев Б.М. Письма о Тютчеве // Литературное наследство. Т. 97: Фёдор Иванович Тютчев: в 2 кн. – М.: Наука, 1988. – Кн. 1. – С. 70–131.*

Литература

1. Теория литературы: в 2 т. – М.: Академия, 2004. – Т. 2. – 368 с.
2. *Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. – М.: Мысль, 1993. – 959 с.*
3. *Силард Л. Четырёхмерная герменевтика и её наследие // Studia Slavica Hung. – 2008. – Кн. 53/2. – С. 467–481.*
4. *Иванов Вяч. Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – С. 143–169.*
5. *Гёте И.В. Стихотворения. Страдания юного Вертера. Фауст. – М.: АСТ; Олимп, 2002. – 764 с.*
6. *Саянова А.М. Ода Г.Р. Державина «Бог» и трагедия И.В. Гёте «Фауст»: к проблеме «резонансных» отношений // Г.Р. Державин и диалектика культур: Материалы Междунар. науч. конф. (Казань – Лаишево, 13–15 июля 2012 г.). – Казань: Казан. ун-т, 2012. – С. 143–146.*
7. *Феценко В. Аутопоэтика как опыт и метод, или О новых горизонтах семиотики // Семиотика и Авангард: Антология. – М.: Культура; Акад. проект, 2006. – С. 54–122.*
8. Дао. Гармония мира. – М.; Харьков: ЭКСМО-Пресс; Фолио, 1999. – 860 с.

9. *Смирнов А.В.* Великий шейх суфизма: Опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби. – М.: Наука, 1993. – 326 с.
10. *Григорьева Т.П.* Синергетика и Восток // *Вопр. философии.* – 1997. – № 3. – С. 90–102.
11. *Иванов Вяч.* Мысли о поэзии // *Иванов Вяч. Родное и вселенское.* – М.: Республика, 1994. – С. 218–234.

Поступила в редакцию
21.01.13

Саяпова Альбина Мазгаровна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: Albina.Sayapova@ksu.ru